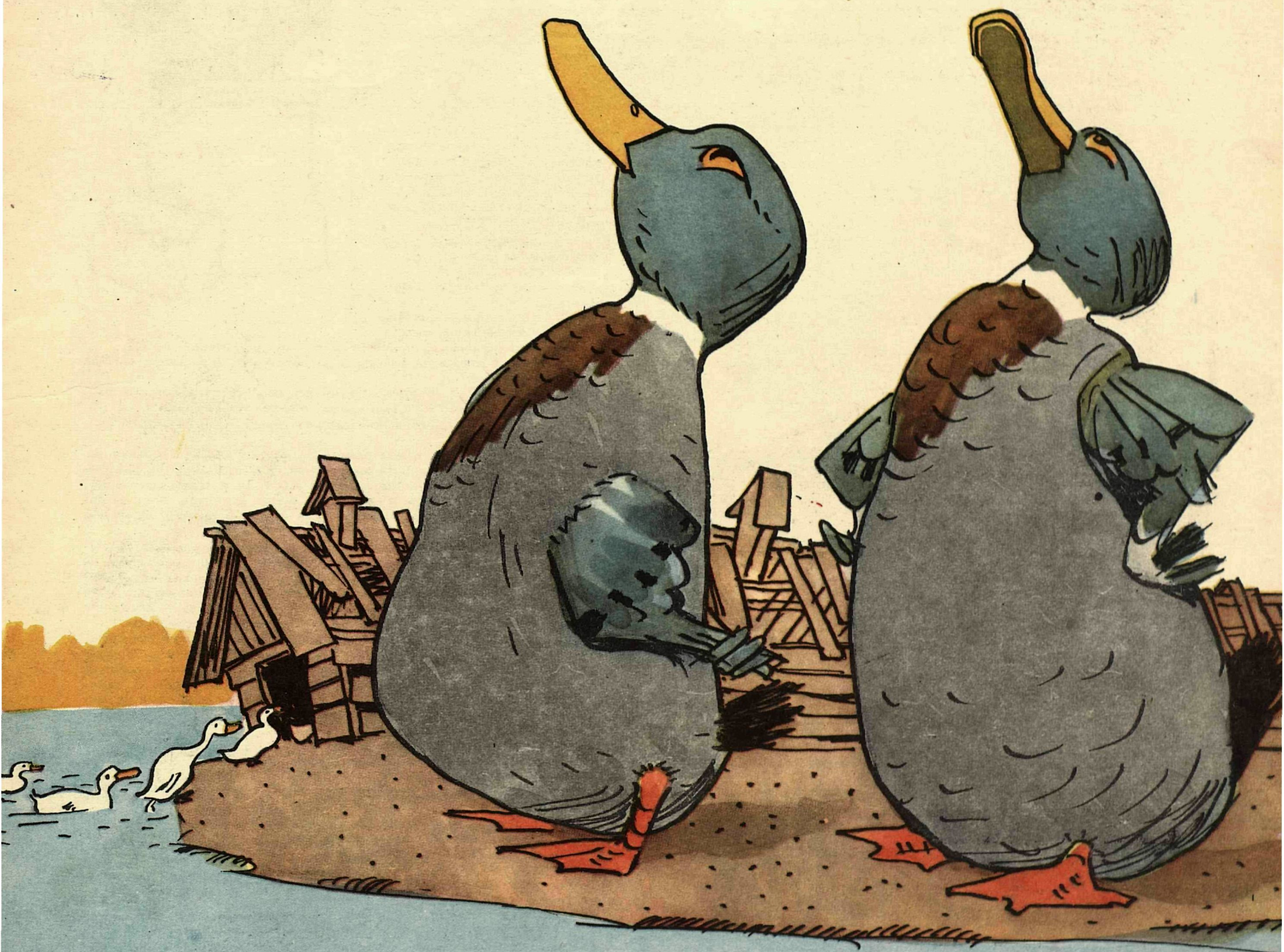

В Марковском районе, Саратовской области, запущены птицефермы.

В УТЕПЛЕННЫЕ СТРАНЫ

— Позавидуешь диким уткам... А нам в нашей ферме опять всю зиму мерзнуть.

КРОКОДИЛ

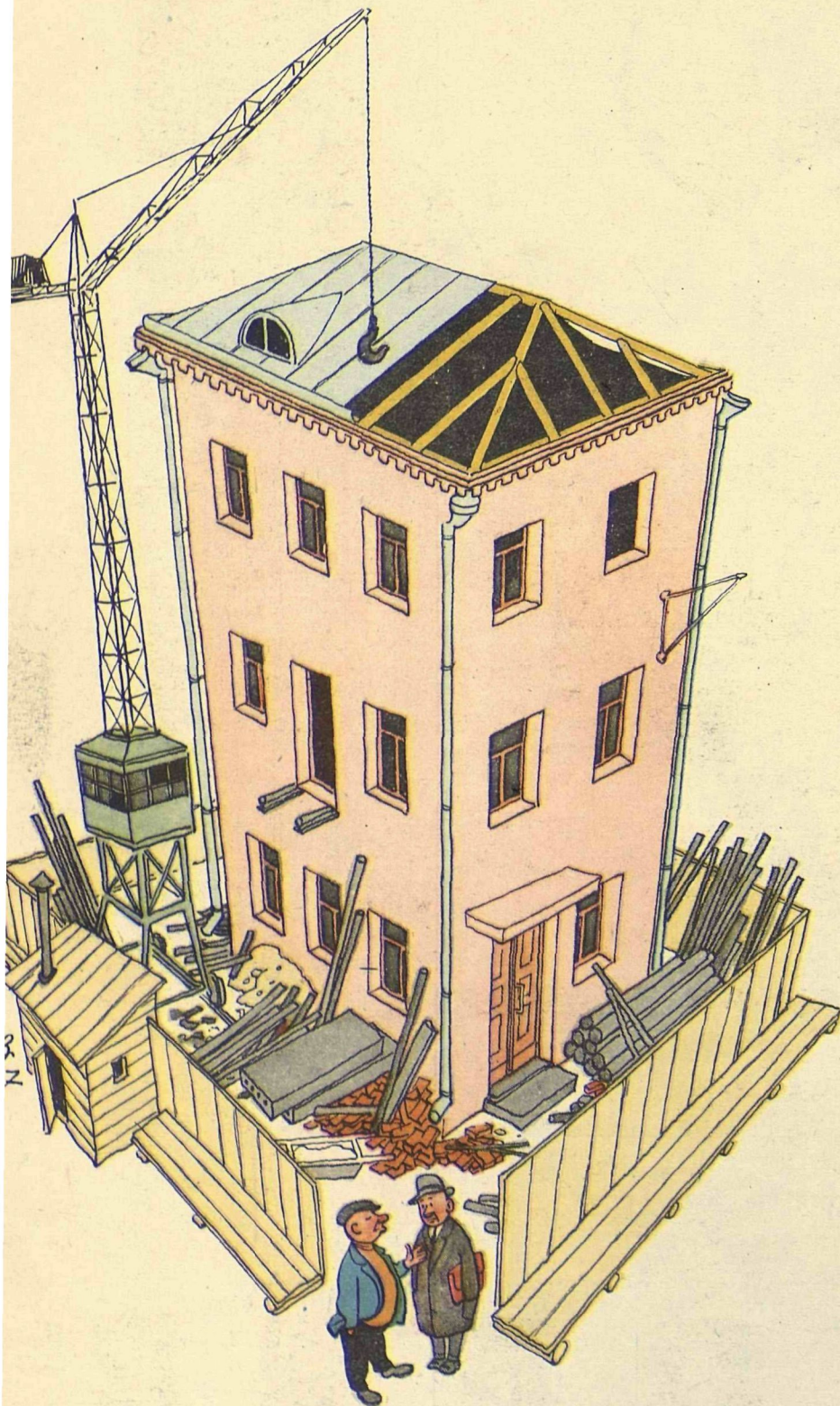
Еще кланяемся...

Директору Щелковской фетровой фабрики М. Н. АЛФИМОВУ

Дорогой Михаил Николаевич!
Прежде чем отвесить вам низкий, поясной поклон, разрешите извлечь из крокодилского архива и обнародовать одну незатейливую историю. В прошлом году один наш читатель доставил в редакцию найденную им записную книжку в черном ледериновом переплете. Нам удалось установить, что она принадлежит управляющему ныне ликвидирова-

ИНОГДА БЫВАЕТ И ТАК

Рисунок Г. ВАЛЬКА.

— Когда будете дом заканчивать?
— Теперь уж не скоро: он принят комиссией...

рованным трестом по переработке яблоневой дички, сливы, а также ореха. Перелистывая книжечку, мы обратили внимание на несколько записей, лаконичных, как библейские заповеди:

— Подхвати... передов. начинание.

— Присоединись... инициативе.

— Внедряй... опыт.

— Шагай... шеренге.

«Интересно было бы увидеть автора этих записей», — подумали мы и поехали в трест вручать владельцу потерянную книжечку. Каково же было наше разочарование, когда нам сообщили:

— А управляющего уже освободили от работы.

— По собственному?

— Нет, как рутинера и консерватора.

— Позвольте, — сказали мы, — судя по записям, он все время куда-то включался, на что-то откликался и активно внедрял.

— Да, но это только на бумаге и на собраниях. А в жизни он был совсем другим.

Бесхитростная эта история припомнилась нам, когда мы познакомились с конспективными записями вашей, Михаил Николаевич, речи, обращенной к рабочим Щелковской фабрики. Вы сказали примерно следующее:

— Товарищи! Будьте новаторами! Подхватите опыт горьковчан. Стройте дома! Что может быть прекрасней, чем жить в доме, выстроенном своими руками? Что же касается меня, то я тоже включаюсь. Я буду шагать с вами в одной шеренге и, шагая, помогать. Итак, за дело! За молотки, за рубанки, за носилки и кирпичи! Вперед, на штурм жилищной проблемы!

Ваш призыв дошел до самого сердца рабочих. Посыпались десятки заявлений. Спустя некоторое время фабком созвал совещание, на котором выступил ваш заместитель по хозяйственной части тов. Грязнов. Он тоже оказался пламенным оратором. Он тоже порывался идти на штурм. Он даже дал будущим застройщикам клятвенное обещание обеспечить их всеми необходимыми строительными материалами.

И вот воодушевленные застройщики вышли на участок, где предполагалось воздвигнуть для начала два четырехквартирных дома. Работа, как пишут очеркисты, закипела. За какие-нибудь пять дней рабочие разровняли площадку, вырыли котлован и построили сарай. И вдруг дело застопорилось. Выяснилось, что даже самые лучшие речи не могут заменить кирпича и цемента. После пяти дней работы наступило два месяца простоя.

Два месяца энтузиасты-застройщики деликатно намекали вам:

— А как же, Михаил Николаевич, насчет шеренги?

— Какой шеренги?

— А помните, товарищ директор, вы обещали шагать рядом и, шагая, помогать.

— Что ж, я не отказываюсь! Жилищную проблему надо решать новаторскими методами! А для этого необходимо подхватить.

— Мы и подхватили!

— Тогда нужно включиться!

— Мы включились...

— Значит, остается покрепче внедрить...

Рабочие, вздыхая, слушали вашу декламацию. Теперь уже ей никто не верил. И не без основания. Вскоре вы объявили, что не следует буквально понимать ваших призывов о внедрении опыта горьковчан. В условиях Щелковской фабрики его, мол, полностью применить нельзя. Нужны поправки. Некоторые изменения. Дополнения. Словом, нужно жить своим умом.

— А как же строить дома?

— Мы их построим по старому, испытанному методу: найдем подрядчиков — и дело с концом.

Так и разошлись ни с чем энтузиасты. Разошлись и больше не показывались вам на глаза. Они потеряли надежду построить себе дома собственными руками, вы потеряли свой авторитет. И смеем уверить вас, Михаил Николаевич, что это чувствительная потеря. Ведь ее не восполнишь речами, лозунговыми выкриками и клятвенными заверениями о своей приверженности ко всему новому.

Вот и все, что я хотел вам сказать.

Засим низко кланяюсь,

Крокодил

БЕЗВЫВОЗНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Рисунок К. РОТОВА.

В ресторанах речных пассажирских пароходов невозможно достать рыбное блюдо.

Посетитель застал начальника станции Кустанай Добышева в страшном смятении. Охрипшим голосом Добышев кричал в телефонную трубку, что «государственный сазан гибнет и его надо спасать немедленно». Но, видимо, его собеседник не хотел помочь несчастной рыбе, и Добышев с горестным вздохом бросил трубку на рычаг.

— Неудача? — соболезнующе спросил посетитель.

— И еще какая! — снова вздохнул Добышев.

«Где-то я его видел, — думал он, вглядываясь в лицо гостя. И вдруг вспомнил: — В редакции областной газеты! Вот кстати! Расскажу ему, пусть пропесочит кого следует». А вслух сказал:

— Вы только послушайте...

И он поведал гостю историю о гибнущем сазане. Недели две назад на станцию Кустанай прибыл ледник со свежемороженой рыбой. Как и следовало, ледник отправили Соколовско-Сарбайскому орсу. Но дней через десять кустанайские железнодорожники вновь увидели вагон на своей станции, уже с новым адресом: «Кустанайский горторг».

«Не надо мне этой рыбы, — отказался начальник горторга Демьяненко. — Кто мне ее подсунил? Коба? Вот пусть он сам ее и кушает».

Но глава кустанайского облторга Коба от угощения тоже отказался наотрез.

— Так и погибла рыбка ни за понюх табаку. Теперь придется выбрасывать, — горестно заключил начальник станции.

— И много?

— Десять тонн, по семь семьдесят за кило. Да еще за простой вагона набежало штрафа тысячу двадцать — тридцать... В общем, около ста тысяч рублей пошло на свалку.

— Да! — вздохнул гость. — Рыбка, рыбка, где твоя улыбка!.. Но ведь это исключительный случай.

— В том-то и беда, что случай рядовой, — мрачно ответил Добышев. — Пойдемте погуляем по станции. Я вам покажу не менее интересные вещишки.

Гость охотно зашагал за ним. Действительно, на выгрузочной площадке «интересных вещишек» оказалось немало.

— Какие странные вагоны! — заметил гость. — Оплетенные зеленой растительностью. Впервые вижу такие «сады на колесах».

— Сады-садочки, — без восторга сказал хозяин станции. — Триста вагонов семенной картошки. Не забрал ее вовремя облпотребсоюз, пролежала она месяца три, вот и проросла сквозь вагоны. Штрафу уплачено 330 тысяч рублей. Пошли дальше... Полюбуйтесь. Видите детали от комбайнов? Годами лежат. Машины забрали, а части оставили. Ржавеют тут. Как вам это нравится?

— Кошмар! — сказал гость.

— А вот пять локомотивов. Вибропомолы. Бетонотмешалки. И прочее добро. Хозяин — Урицкстрой — держит все это здесь уже полгода. Как в ломбарде. Половина станции завалена грузами Урицкстроя. А нам из-за этого новые грузы выгружать некуда. Хоть обратно отправляй!

ОФИЦИАНТЫ: — Примите заказ! Три порции жареных лещей!

Несколько минут они шли молча. Вдруг гость споткнулся и еле удержался на ногах.

— Тут и шею свернуть недолго, — сказал он, со страхом глядя на острые черные зубья, торчащие из травы.

— А вы не зевайте, — наставительно сказал проходивший мимо заведующий грузовым двором. — Здесь, в зоне межсовхозной базы, уж очень здорово трава растет. И двух лет нету, как эти бороны здесь свалили, а они уже заросли. Комбайн, скажем, зарастает лет за пять, а бороны, они маленькие, и потому быстрее дело идет. Их тут тыщи...

— Бесхозяйственность! За такие дела виновных надо наказывать.

— Наказывают, — уныло сказал хозяин. — Вызовут в облисполком, к примеру, председателя облпотребсоюза Зельча, или управляющего трестом Урицкстрой Демидова, или еще кого другого, пожурят их, а они пообещают вывезти грузы — и не вывозят. Видно, им больше нравится штрафы платить... Был у нас однажды случай, когда за простой вагонов с

углем начислили штрафа... три миллиона!

Гость ахнул. Глаза его округлились.

— Какая сумма! Но почему же вы не сигнализируете в печать, например? Печать, она сильно влияет. Знаю по собственному жизненному опыту. А то у вас тут создается, прямо скажем, не то что безвыходное, а безвывозное положение.

Добышев воспрянул духом. «Сам помощь предлагает, — подумал он, — надо воспользоваться».

— Видите ли, я статьи писать не мастер. Да и некогда мне. А вот если бы нашелся добрый фельетонист, тогда...

— Найдется! — обнадежил гость. — Поможет... А скажите, голубчик, где у вас тут уголь Казглавупрснаба?

— Как же, есть! — обрадовался Добышев. — Четыреста семьдесят тонн. Уже два с половиной года лежит. И ветром его разносит и дождем размывает. Никак не разбирают его получатели.

— Дорогой! — радостно закричал гость. — И не жди, не вывез-

зем. Девай его, куда знаешь. Хочешь — выкинь, хочешь — продай или подари кому-нибудь.

На этот раз глаза округлились у Добышева.

— Как? Разве это ваш уголь? Это же Казглавупр...

— Правильно, милый, я и есть представитель Казглавупрснаба. Наш это уголь, но мы его не думаем забирать. Не до него. Есть дела поважнее.

— А штраф? — цепляясь за последнее средство, напомнил Добышев.

— Ладно, уплатим. Не в первый раз. Не из своего кармана. И не приставай больше, не шли нам бумажек. Все равно не может.

— Но ведь я вас в редакции видел, — простонал начальник.

— Не спорю. Я там бываю довольно часто. Нет-нет, да и зацепят меня в фельетоне или статье. Вот я и хожу туда ругаться... Я ж тебе говорю, печать, она действует...

Е. ЦУГУЛИЕВА.

г. Кустанай.

Хорошая внучка

Все друзья и знакомые в один голос говорят:

— Мина — хорошая внучка. Подумать только, каждое воскресенье она навещает свою одинокую бабушку!

Мина не возражает. Она как нечто должное выслушивает похвалы по своему адресу. Но вносит одну скромную поправку:

— Я по воскресеньям не только посещаю бабушку, но провожу у нее целый день. Ведь она такая одинокая! Такая старенькая!

Сама бабушка Евдокия Карповна души в ней не чаёт.

— Не знаю, как там у других, — говорит она, — а меня господь наградил чудесной внучкой. Не девушка, а золото. Конечно, целую неделю она трудится, занимается, готовится к экзаменам и к сессиям. Но зато все воскресенье она у меня. Вот тут, в это креслице, сядет и сидит. Потом начинаем с ней пить кофе. Мина крепко уважает кофе с цикорием.

— И хорошо она это делает? — спрашивает собеседница, соседка Ксения Гавриловна.

— Неплохо. Грех жаловаться. Чашечки три легко одолевает.

— А как она его варит?

— Кто?

— Внучка.

— Чудная ты, право, Ксения Гавриловна, простой вещи не понимаешь. Как же я ей позволю варить кофе? Разве она сумеет? Она, девочка моя, не то что кофе, но и чаю хорошо заварить не умеет. Молодо-зелено.

— А сколько ей лет?

— Еще совсем несмышлёныш. Всего девятнадцать.

— Понятно, Евдокия Карповна. Совсем дитя. Всего девятнадцать. А ты в девятнадцать лет тоже была несмышлёнышем?

— Чего там старое вспоминать!.. Дело не в этом. Я, грешным делом, очень люблю смотреть, как моя Мина уписывает за обе щеки кофе со свежими коржиками.

— Откуда у тебя свежие коржики?

— Что у меня, муки нет, яиц нет, масла нет, сахару нет, или я печь разучилась?

— А я думала, что она сама хотя бы тесто замесила.

— Этого дела она не знает. У них на филологическом теста не месят. Не путай, Ксения Гавриловна.

— Больше не буду. Ну, выпили вы чаю со свежими коржиками, а дальше что?

— А потом можно часочек поваляться с книжкой на диване и даже вздремнуть.

— А что за книжка?

— Стихи Александра Блока о любви, о какой-то распрекрасной даме.

— Чего же ты вдруг на старости лет начала завлекаться любовными стихами?

— Да это не я, это внучка ложится на диван и дремлет.

— А я думала, ты.

— Вот еще чего! Больше мне делать нечего. Я себе потихоньку кручусь по комнате: подмету, уберу, картошки к обеду начищу. А она, моя девочка, лежит с книжкой, закроет глазки, видимо, о чем-то мечтает. А потом начинает шпарить наизусть из этого самого Блока: «Крылья лепкие раскину, стены воздуха раздвину... В сердце — легкие тревоги, в небе — звездные дороги...» И еще что-то такое — дальше не помню.

— Ну, скажем, крылья раскинула, воздух раздвинула, а потом?

— А потом она садится перешивать пуговицы к своей новой блузке. Это я ей сделала подарок, как только пенсию получила. Вот она сидит с иголкой в руке... А я наблюдаю.

— Это хорошо. Пусть работает, а ты посиди сложа руки.

— Не посидишь. Наблюдаю я и вижу, что она это очень нескладно делает. Ну, я забираю у нее блузку и уже сама перешиваю все пуговицы. А потом надо же и юбку ей погладить.

— А ты не пробовала, Евдокия Карповна, дать ей уют в руки, чтоб она сама...

— Пробовала. Сожгла мои две наволочки.

— Понятно. «В сердце — легкие тревоги, в небе — звездные дороги»?

— Ишь ты! Сразу запомнила... Этак вот, моя милая Ксения Гавриловна, и проходит воскресный день. Ничего не скажешь, хорошая у меня внучка. Чудесно проводим с ней время. Что у нас сегодня за день? Вторник? Ох, долго ждать до воскресенья...

Г. РЫКЛИН

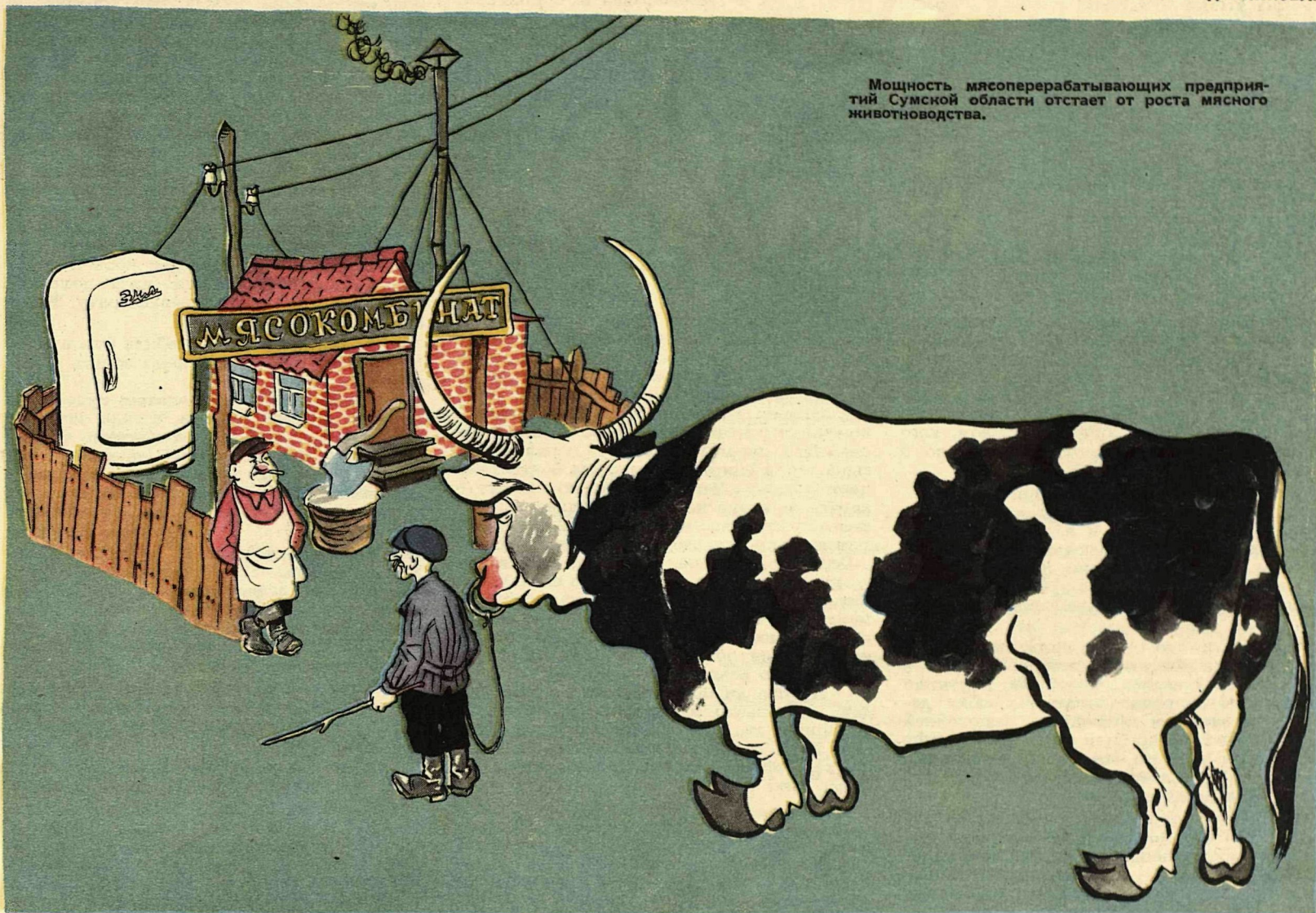
Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

В некоторых городах Российской Федерации население плохо снабжается водой.

...Так и ждал он у колодца, может, час, а может, два...

Мощность мясоперерабатывающих предприятий Сумской области отстает от роста мясного животноводства.

— К сожалению, переработать можем только одну переднюю ногу, остальное — в следующем квартале.

Данил АТНИЛОВ

Один охотник регулярно
С охоты приходил ни с чем:
То ль всякий раз стрелял бездарно,
То ль не везло ему совсем.

Ходил он по лесам, терзаясь,
А сумка все была пуста.
И вдруг ему попался заяц
Случайно около куста.

С тех пор по странному расчету,
Уверовав в свою звезду,
Охотник ходит на охоту
Лишь только к этому кусту.

А дальше! Дальше он ни шагу!
Но зайцев там и след простыл,
И возвращается бедняга
С охоты мрачным и пустым.

* * *

Мораль, товарищи, проста:
Иной готов кружить бесечно
Вокруг былых успехов,
Точно
Охотник тот вокруг куста!

ОСЕЛ и Муравей

Осел, стоявший на краю вершины,
Увидев Муравья, ползущего с равнины,
Спросил его с надеждою в душе:
— Не выросла ль внизу трава уже!

И Муравей ответил: — Слава богу,
Травы у нас в долине нынче много,
Трава там по колени поднялась!

И, от вестей таких развеселился,
Помчался вниз Осел, но там, увы,
Виднелись только лишь ростки травы.

На Муравья посыпались проклятья.
Но тут вмешался Голубь очень кстати:
— Правдивы муравьиные слова,
Что по колени выросла трава.
Но мерка ведь у каждого своя:
Трава тут высока... для Муравья.

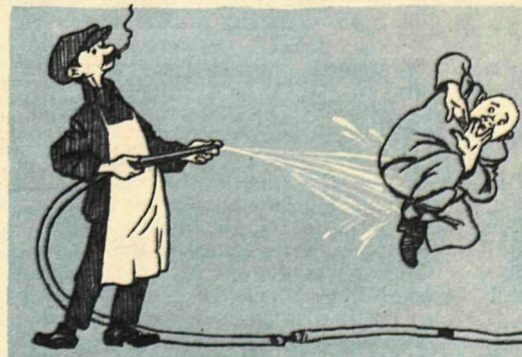
Перевод с татского
В. БАХНОВА.

Рисунок Е. ГУРОВА.

— Что за народ, одного запылит — ругается...

...Другого помыл — опять ругается.

ЧИСТАЯ вода

Вам никогда не приходилось встречать праздник в больнице? А мне доводилось, и не раз. Накануне праздника во время врачебного обхода у многих наших «старожил» внезапно падало кровяное давление, утихали боли в печени, наполнялся пульс, появлялся аппетит. Словом, кого привлекал семейный уют, кого тянуло в веселое общество...

В один из таких предпраздничных дней нас в палате к вечеру осталось только двое: Федя Покотило и я. Федя — слесарь из «Львовсельмаша» — недавно перенес тяжелую операцию, а мне изменили ноги. Те самые ноги, которые в больнице величались не иначе, как «нижними конечностями».

Так вот, я — со своими «нижними конечностями», а Федя — с солидной дырой в боку точно в определенный час получили снотворные порошки, милую улыбку дежурного врача и приветливое «спокойной ночи!». Свет мы просили не гасить: мы еще помечтаем немного, погрустим и выпьем... порошки за то, чтобы как можно скорее вернуться домой.

Из репродуктора, выключенного до одной сотой его мощности, лилась мелодия, чем-то напоминавшая тепло кварцевой лампы. Мы долго слушали ее, а потом, опершись на локти, взглянули на пустые койки. Да будет счастлив тот, кому наперекор злему року или несчастному случаю не суждено попасть сегодня в нашу палату! За невыполнение плана по «койко-людям» администрация больницы скажет спасибо.

Едва мы подумали об этом, как длинный и резкий звонок в приемной нарушил тишину, охватившую больницу. Мы насторожились, притихли и собирались было выключить настольную лампу. Но не успели: в палату вошел, точнее, не вошел, а вкатился, небольшой человек в домашней пижаме и соломенных шлепанцах. Бритая, точно отполированная голова его склонилась набок, а глаза блестели, как спелые ягоды.

— Евгений Петрович Градский, — выпалил новичок, ни к кому не обращаясь. — Не думайте, что я проверяю свою память. Назвать себя — первая обязанность нового члена коллектива.

Мы промолчали. Маленькими, точно осоклой прорезанными, глазами новый член коллектива обшарил палату, подошел к пустой кровати и шлепнулся на нее, как подкошенный. Пружинки застонали.

— Хорошо! — покачиваясь, констатировал Градский. — Здесь не то, что в пятой больнице. Больные там, как на операционном столе, спят. Здесь хоть одеяла и подушки на себя похожи. А там какая-то дерюга... Вы не спите? — Он присел на кровать. — Здравствуйте, друзья! Не ждали в такую пору?

Вопрос был поставлен в упор, и отмалчиваться было неудобно.

— Болезнь повесток не присылает...
— Ваша правда, дорогой товарищ. — Градский живо перескочил на мою кровать, бесцеремонно примостился у ног и радостно стал отводить свою душу: — Кто лечится, тот калечится. Вынужден был «Скоруую помощь» вызывать. Утром ходил в поликлинику, как маленьким детям, растолковывал, что у меня творится с корой головного мозга. Боль, как известно, без языка, но она указывает, где болит. А они: «Нет мест!» И крышка! В горздравотдел

ходил — то же самое. Думают, что я ревизии испугался. Как раз! Кору головного мозга надо разгружать, и немедленно. Прихожу домой и ровно в полдвенадцатого набираю «ноль три». Так и так, говорю, спазмы в левом полушарии, немеют конечности, начинается левосторонний парез. Так по-медицинскому паралич называется, а они этого паралича боятся, как черт ладана. Через несколько минут — карета, и я тут как тут... Иначе с ними нельзя... Здоровье нужно беречь. Как говорится: лишь бы здоровье, а прехи будут...

Беседа, собственно, не беседа, а «разгрузка коры головного мозга», явно затянулась. Федя это давно понял и сделал попытку меня выручить. Он выключил свет, нагнул на голову одеяло. Казалось бы, что все ясно. Нужен покой, люди спят. Но Градский на это реагировал по-своему.

— Пропел ли петух или нет, а день будет... Еще выспимся, дорогой товарищ. Не с гриппом мы сюда пришли и не с ангиной. Кора головного мозга — это, брат, не шутка. Только Павлов до нее добрался. У вас тоже спазмы?

— Ноги...

Градский с интересом пощупал меня за икры, стукнул ребром ладони по колену.

— Да-а... — многозначительно сказал он. — Дело швах. Мы тут с вами пролежим до апреля. Самое меньшее. Не знаю, чем пичкают вас, а мне необходимо принять пятнадцать сеансов диатермии, столько же у-ве-че. Это вам уже месяц. Одновременно эти процедуры принимать вредно. Сердце!.. Свое сердце никому гробить не дам. Потом — душ Шарко, глюкоза, витамин «Це»... Кормят тут пристойно? В апреле можно будет уже двинуть в Цхалтубо. Позже там жара, и с харчами неважно. Июль — август лучше проводить в Крыму. Солнце, море... После медикаментозного лечения обязательно климатическое. С путевками стало теплее, правда, сложнее. Прошлые годы черкнул заявление в местком — пожалуйста; а потом с места назначения бахнесть телеграмму в Министерство собеса — и путевка продлена. До ВЦСПС даже добирался. Теперь, говорю, стало труднее, но надежды терять не следует. Пока руки перо держат, буду бороться...

— Вы писатель? — сдерживая улыбку, спросил я.

— Как вам сказать? Почти... Когда был моложе и здоровее, мог за ночь полтетради... А теперь — три — четыре странички, и амба. Всякую нечисть вывожу. Вы думаете, что этим бюрократам из горздравотдела, которые меня в приемной мариновали, так безнаказанно все сойдет? Как раз! Не на такого напали! Они думают, что если Гоголя и Щедрина на тот свет загнали, так уже могут спокойно бюрократить. Не выйдут!

Последние слова Градский выкрикнул, и это меня спасло. Вошла сестра, строго-настрого приказала спать, выключила свет.

«Разгрузка головного мозга» продолжалась в темноте и закончилась только утром, когда в палату вошла наша славная Ольга Владимировна. Внимательно осмотрела Федю и меня и начала записывать историю болезни Евгения Петровича Градского.

— Просите говорить коротко? Пожалуйста, могу почти конспективно. Вы выросли в наше время и не знаете, что такое го-

лод, безработица, нужда. Это хорошо. Но представьте себе мое состояние. Россия — жандарм Европы, эксплуатация достигла крайних пределов. На фабриках и заводах рабочий день затягивался до десяти — двенадцати часов. Где выход? — Градский встал с кровати и потянулся за стаканом с водой. Этой паузой воспользовалась Ольга Владимировна.

— Короче. Расскажите о своей болезни.
— Так вот коротко. В условиях жестокой эксплуатации человека человеком, когда еще призрак бродил по Европе, я заболел, и очень тяжело заболел, ветрянкой. При капитализме также перенес корь и скарлатину. Дорогие лекарства тогда помогали не столько больному, сколько врачу. Таков волчий закон...

— А еще короче... — перебила Ольга Владимировна, сделав какую-то запись в истории болезни.

— Я вижу, что вы торопитесь куда-то, но история болезни, как и всякая история, должна опираться на исторические факты. Это факт! Как бы вы ни торопились, но мы с вами сегодня дойдем только до первых пятилеток. Тут уже солидная нагрузка на голову, бурная профсоюзная деятельность, спазмы...

— Хорошо, — поднялась со стула Ольга Владимировна. — На сегодня хватит. Я пропишу вам новый препарат. Мы применим его в исключительно тяжелых случаях... И уже добились поразительных успехов. Так что не падайте духом, мы быстро поставим вас на ноги...

— Быстро, говорите, поставите на ноги? — тревожно переспросил Градский. — Сомневаюсь... Не вы первая мне это обещаете... И все без толку...

— А вы поверьте нам, и все пойдет на лад... Вы, говорят, эту ночь плохо спали?

— О, да, да, доктор... Очень плохо... Соуды, идущие от коры головного мозга к глазам, аж трещат, а те, что к сердцу, — сжимаются — спасу нет. Разве тут заснешь? Брому надо, глюкозы... Витамин «Ве прим» у вас трех- или однопроцентный? Академик Симакович, Владимир Осипович, советует трехпроцентный...

— Сделаем, как советует академик... Все для вас сделаем... — спокойно, с невозмутимым лицом заввила Ольга Владимировна.

Я с интересом следил за опросом нового больного. За мое пребывание в больнице впервые такой тип. Раскусит ли его наша доверчивая и безгранично добрая Ольга Владимировна?

Оказывается, раскусила. И довольно быстро. На другой день, совершая обход, она не спеша вошла к нам в палату, спросила, как ведут себя мои «нижние конечности», ощупала у Федю рану и приветливо обратилась к Градскому:

— Ну, как наш препарат? Помог?

— Не нахожу слов... Не препарат, а чудо... Впервые за много лет спал, спал сном праведника...

— Вот и хорошо, — улыбнулась Ольга Владимировна и быстро вышла из палаты.

Только Градский, опытный «психолог» Градский, мог заметить в этой улыбке что-то подозрительное. Он, как ужаленный, вскочил с койки и, поддерживая одной рукой пижамные брюки, выбежал в коридор, где завопил во всю свою могучую глотку:

— Доктор, слышите, доктор! Перелом еще не наступил! Слышите? Не наступил!..

...А через день после обхода я, взглянув на пустую кровать, спросил Ольгу Владимировну:

— Чем все-таки был болен наш вчерашний сосед? Какая у него болезнь?

— У него? Решительно никакой. Зато сам он то, что называется по-ученому «Трихоцефалус». По-русски сказать — глист, дармоед... А «чудодейственный препарат», с помощью которого мы его излечили, называется по-латыни «Аква дистиллата». По-русски же — чистая вода.

Из первой книги стихов

БОГОБОЯЗНЕННЫЙ
БЕЗБОЖНИК

Хоть были комсомольцы
Невеста и жених,
Седой священник кольца
Надел на пальцы их.

— Я,— молвит теща строго,—
Тебе вторая мать!
Боится теща бога.
Боится тещи зять.

Осенний дождик капал...
Косясь по сторонам,
Неверующий папа
Младенца нес во храм.

К церковному порогу
Явился он опять.
Боится теща бога.
Боится тещи зять.

Как это ни печально,
Его «вторая мать»
Была принципиальной,
Чем комсомолец-зять.

ДОМ НЕ ВИНОВАТ!

Ну и дом! И житель
и прохожий —
Все его безжалостно бранят.
Но ему-то, бедному, за что же
Достается! Дом не виноват!

Дом, конечно, плох, но по проекту
Он, увь, таким и должен быть.

Мне с тобой сегодня, архитектор,
Хочется о нем поговорить.

Гнездами железными балконов
Для чего облеплен этот дом,
Если в каждом могут две вороны
Поместиться [да и то с трудом]!

Почему запущенным и сирым
Этот дом мы видим со двора!
А ведь там свое знакомство
с миром
Начинает наша детвора.

Для чего карниз многопудовый
Ты на доме грозно утвердил!
Думая о бренности земного,
Я под тем карнизом проходил.

Для чего, сограждан не жалея,
Лестнице ты дал такой разбег,
Что ее без лифта одолеет
Только... бессердечный человек!

Дышит дом твой скукой
и печалью,
Ни души, ни красоты в нем нет.
Он согрет одной теплоцентралью,
Но любовью к людям не согрет.

Можно сжечь стихов макулатуру,
Выбросить изделие пошляка,
Но многоэтажная халтура,
К сожаленью, простоят века.

Вот об этом ты почаще думай
И в начале нового труда
Вспоминай, что где-то дом
угрюмый
За тебя сгорел бы со стыда.

ДОКАЖИТЕ, ЧТО ВЫ НЕ СПОРТСМЕН...

Перед нами справка домоуправления, утверждающая, что «А. А. Курепина... 1916 года рождения, домохозяйка, никаким спортом не занимается».

Зачем понадобилась Курепиной справка о неспортивной благонадежности?

В июне 1957 года она имела неосторожность купить лакированные босоножки производства Ростовской фабрики. Через пять дней босоножки развалились. Курепина тут же отправила их на фабрику с не очень лестными комментариями и просьбой заменить.

Не прошло и двух недель, как Курепина получила изящно упакованную посылку из Ростова-на-Дону. В посылке находились все те же рваные босоножки и новенький бланк акта.

Акт утверждал, что босоножки замене не подлежат, так как они были использованы «не по назначению», а именно «для спортивных целей». Каким научно-исследовательским методом это было установлено, остается секретом фабрики.

Любопытно, что «акт на прибывшую посылку» отпечатан типографским способом тиражом в 2 тысячи экземпляров! Это значит, что сама фабрика не питает излишних иллюзий о качестве своей продукции и к неизбежной встрече с потребителями подготовилась заблаговременно.

ПО ПЕЧАТНЫМ СТРАНИЦАМ

ОРИГИНАЛЬНЫЙ ДИССОНАНС

Само собой разумеется, музыкальный критик должен знать, что такое тон. Но тон бывает не только музыкальный. В данном случае речь идет о тоне статьи «Музыкальные стилиги», напечатанной недавно в одной из центральных газет.

Негодующий критик не скупился на слова: «Утеря самостоятельности», «Репертуар составлен из ремесленных сочинений», «Манера исполнения — крикливая, грубая, физиологическая», «Этот коллектив не только неприятно слушать; столь же неприятно и смотреть его программу»...

Все это сказано об эстрадном оркестре ЦДРИ. Но, помнится, две недели тому назад об этом же оркестре была другая статья под жизнеутверждающим заголовком: «Побеждают хороший вкус, мастерство, талант! Естественно, что и тон статьи был иной: «Почти с профессиональным мастерством играет эстрадный оркестр ЦДРИ», «Его выступления пользуются заслуженным успехом»...

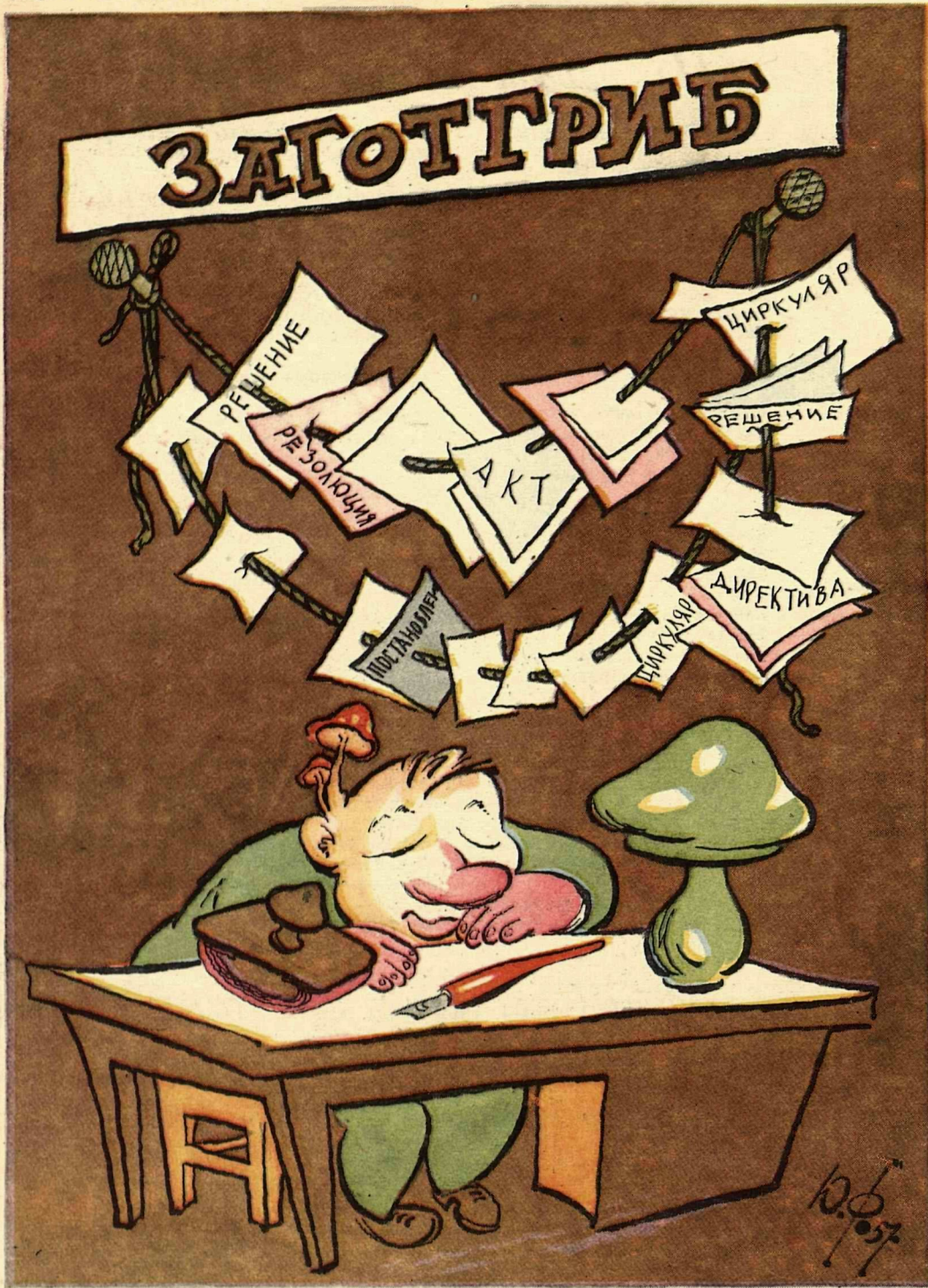
Обе статьи помещены в одной и той же газете — в «Советской культуре» — и подписаны одним и тем же автором — М. Игнатьевой. Но не это удивило читателей. Вкусы, как известно, могут меняться! Читателей озадачила оперативность, с которой произошел этот обычно очень сложный и длительный процесс изменения вкусов и точек зрения на явления искусства.

Но, все-таки, какой же статье верить? Если последней, резко отрицательной, то как быть с решением жюри конкурса Всемирного фестиваля, которое присудило оркестру ЦДРИ почетное звание лауреата?

Об этом, кстати сказать, сообщила все та же газета. Нетрудно догадаться, что подобный диссонанс едва ли доставил удовольствие тонкому музыкальному слуху многочисленных читателей газеты.

— Решил, наконец, поговорить с народом, так эти растяпы текста не подготовили...

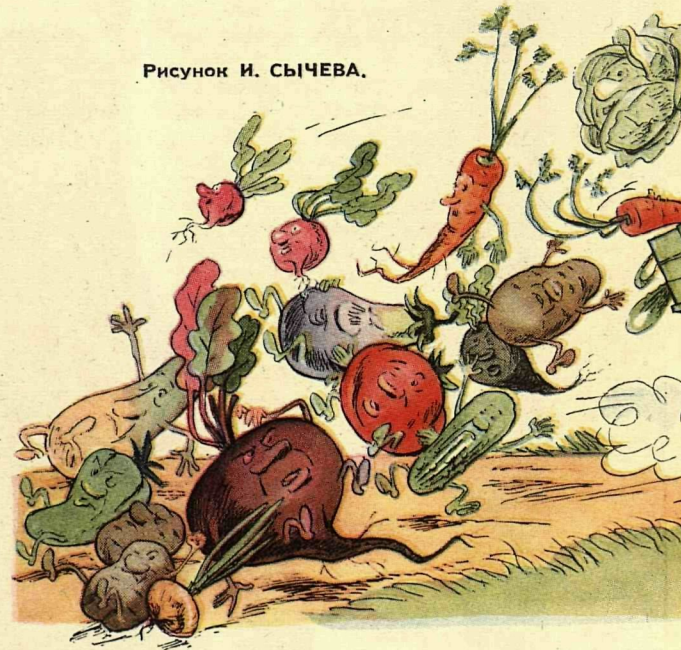

ЗАСУШИЛ НА ЗИМУ

Сама садит
сама буди

Рисунок И. СЫЧЕВА.

«Подайте на дачу...»

Любители сенсаций начали бы описание события, о котором мы намерены рассказать, примерно так:

«Небывало! Неслыханно! Новое в медицине! Мгновенное исцеление слепоты при помощи... автомобиля!»

В сущности, здесь все правда. За исключением одного: новый метод лечения гораздо ближе к области криминалистики, чем к медицине. А теперь, как говорится, перейдем к фактам. Посмотрите на снимок № 1. Слепая молодая женщина стоит у рынка и неуверенно протягивает руку, призывая прохожих «войти в ее незрячее положение»...

Дальше события разворачиваются следующим образом: к рынку подходит скромный автомобиль синего цвета с красной полосой на кузове. Из машины вы-

ходит симпатичный старшина милиции и подходит к слепой.

— Здравствуйте, Нина Васильевна, — говорит он. — Опять вы здесь? Ну-ну, не нужно кокетничать, открывайте свои глазки...

И тогда происходит чудо мгновенного исцеления: слепая... прозревает (снимок № 2). Она послушно открывает глаза и без энтузиазма следует в отделение милиции, где составляется протокол (какой по счету?) об очередном задержании профессиональной нищенки, обманщицы и симулянтки Нины Васильевны Копиной...

Видимо, похождения Копиной пришлись не по душе Василию Артемовичу Жульбенко.

— Нехорошо, — говорит Жульбенко, — сам много лет подаяниями живу, но до такого не доходил.

— А кроме нищенства, вы еще чем-нибудь занимались? — спрашиваем мы Жульбенко. — Работали где-нибудь?

— А как же! Работал! В последний раз, помню, у Рябушинского работал. Капиталист такой был. По-вашему — эксплуататор.

— И с тех пор не трудились?

— Как это не трудились? — обижается Жульбенко. — На то и трудовые лагеря, чтобы в них трудиться...

— Судились, значит? Не за воровство ли?

Лицо Жульбенко становится негодующим. Он искренне возмущен.

— Воровать? Я? В жизни такого греха на душу не брал! — И с нескрываемой гордостью пояснил: — Мошенничеством промышлял. Сто шестьдесят девятую статью знаете? Нет? Напрасно: самая интеллигентная статья в Уголовном кодексе...

Моральный облик этого старика с благообразной внешностью нам уже ясен. Нас больше инте-

ресует женщина с лицом кладбищенской кликуши. Мы почти не ошиблись: Елизавета Васильевна Чернышева (снимок № 3) — частая гостья на московских кладбищах, где она протягивает руку прохожим, сетуя на судьбу и умоляя о подаянии. Сегодня она настроена мрачно. Дело, разумеется, не в том, что ее в девятый раз за последние месяцы задер-

я садила,
поливаться!..

САМОСВАЛ

— Не волнуйся, и тебя скоро выпустят...

жали за нищенство. Плохое настроение Чернышевой объясняется гораздо проще: Елизавета Васильевна пребывает в состоянии жестокого похмелья. Выясняем, что Чернышева — москвичка, живет на Соколиной улице, что семья ее состоит из четырех человек, а сумма заработков всех членов семьи превышает две тысячи рублей в месяц...

— Что же вас заставляет нищенствовать? — удивляемся мы.

Чернышева молчит и тактично дышит в сторону. Но это мало помогает: аромат водочного перегара, источаемый нашей собеседницей, красноречиво отвечает на наш вопрос.

Мы не сумели запечатлеть нашим объективом других «заслуженных мастеров» вымогательства и обмана. Вот некий В. И. Тройниковский. Бравый вид, потрепанная военная гимнастерка, восемь орденских ленточек на груди безотказно действовали на отзывчивые сердца москвичей. Ежедневный доход «ветерана войны» исчислялся трехзначным числом. И никому невдомек было, что среди прочих орденских знаков проходимец впопыхах прикрепил себе на грудь ленточку ордена «Мать-героиня»...

А вот фигура другого плана: тихонький старичок просит «копеечку на пропитание». Это М. В. Новиков. Он живет в Москве,

на Строминке. Протягивая руку, он, разумеется, умышленно о том, что государство платит ему пенсию, что от своих детей он ежемесячно получает на жизнь 800 рублей, что у него накоплено более 30 тысяч рублей, собранных им «по копейке на пропитание».

Кустарный метод нищенства, применяемый Новиковым, претит

его «коллегам» П. П. Блинову. Блинов — человек размаха. Он организовал «акционерную компанию по сбору подаяний», куда включил в качестве единственного и активнейшего члена свою супругу. Об успешных делах и немалых прибылях «фирмы» можно судить уже по тому, что на деньги, собранные нищенством, супруги Блиновы построили себе комфортабельную дачу в поселке Кулава, Московской области.

Как здесь не перефразировать известные строки поэта о нищем, которому «кто-то камень положил в его протянутую руку»? В варианте супругов Блиновых эти строки должны выглядеть так: «...и кто-то дачу положил в его протянутую руку».

Мы против дачи, построенной таким путем. Мы за то, чтобы не было протянутых рук.

Вит. АЛЕНИН
Фото Л. Емельянова.

Уголовная хроника

0,02%

Доказано, что старший лейтенант американской армии Эдкинс был пьян, когда управляемая им машина врезалась на одной из улиц Франкфурта-на-Майне (Западная Германия) в другую машину, где находились четыре немецких гражданина.

Все четверо погибли. Эдкинс отделался легкими ушибами.

Выяснено, что погибшие не были пьяны, когда произошла катастрофа. Они аккуратно соблюдали все правила уличного движения.

Установлено, что полицейские чины Франкфурта-на-Майне не были пьяны, когда они препроводили Эдкинса в американский военный суд, не получив разрешения даже допросить преступника.

Таков закон, введенный американскими оккупантами на чужой земле.

Надо полагать, члены американского военного суда не были пьяны, когда они разбирали дело Эдкинса. Как бы то ни было, преступника *полностью оправдали*.

Читатели западногерманского журнала «Дер Штерн» не были пьяны, но, тем не менее, не поверили своим глазам, когда прочитали мотивировку решения суда:

«В момент катастрофы в крови Эдкинса не хватало двух сотых процента алкоголя до установленной в США нормы, наличие которой позволило бы осудить его».

Если от американского правосудия нельзя было ожидать ничего более справедливого, то от боннских властей трудно было ожидать какого-либо протеста по поводу этого правосудия. Они и не протестовали. Да и возможно ли в самом деле, чтобы управляющий именем предьявлял претензии своему хозяину?!

Рисунок ЛЕО ХААСА из сатирического журнала «Ойленшпигель» (ГДР).

Шпейдель: — Равнение направо!

Из литературного наследия

Карел ЧАПЕК

ПОБАСЕНКИ

ПЕТУХ:

— Еще не светает. Ведь я не подал сигнала.

КРАПИВА:

— Этот сад пришел в запустение? Я бы не сказала.

ЖАБА:

— Прогресс?! Ну разумеется, прогресс существует. Я, например, когда-то была всего лишь головастиком.

ЗЕРКАЛО:

— Человек — только мое отражение.

БАБОЧКА-ОДНОДНЕВКА:

— История? Мне это ничего не говорит.

ЗАСОХШАЯ ВЕТВЬ:

— Наконец-то я стала независимой!

ВОЛК:

— Мир — это когда никто не преследует нас, волков.

ПЕССИМИСТ:

— Настанет весна? Дружище, да вы оптимист!

ПУШИНКА, УВЛЕКАЕМАЯ УРАГАНОМ:

— Ура! Начинаем выворачивать деревья!

ПЕнь:

— Вы говорите, я не двигаюсь с места? Зато не споткнусь!

ХОЗЯИН — РАБОЧИМ:

— У нас общая цель: все мы — и вы и я — работаем для процветания моего предприятия.

ВОРОБЕЙ:

— Видите, как приходится чирикать, чтобы наступила весна!

1932—1937 годы.

Перевел с чешского О. МАЛЕВИЧ.

ОПАСНЫЙ ПУТЬ

Дружеский шарж И. СЕМЕНОВА.

ВРЕМЕНА МЕНЯЮТСЯ

Рисунок ЦЗЯН Ю-ШЭНА из сатирического журнала «Маньхуа» (Китай).

ВЛАДЕЛЕЦ «ЗЕФИРА» БРЮЗЖИТ...

Любознательные советские туристы становятся довольно частыми гостями на Британских островах. Любознательные англичане все чаще навещают нашу страну. Это очень хорошо. Мы за контакты. Вэри гуд. Надо полагать, всякий турист едет в чужую страну не столько для того, чтобы себя показать, сколько затем, чтобы людей посмотреть. И, разумеется, не только людей.

Впрочем, нет правил без исключений. Английский писатель Питер Флеминг, питающий, по его словам, «нездоровое чувство привязанности к России и ее народу», побывал недавно в нашей стране. Он путешествовал на собственном автомобиле марки «Зефир». Объехал Крым, побывал в Москве, Орле, Харькове и во многих других городах.

Что же взволновало писателя Флеминга во время его многодневной автопрогулки по русским равнинам и украинским степям, по столичным улицам и крымским нагорьям? Что запало ему в память? О чем пространно повествует он в трех номерах лондонской газеты «Таймс»?

Питер Флеминг повествует прежде всего о своем «Зефире». Он снисходительно сравнивает сие зефирное создание с рядовыми советскими машинами, хотя, между прочим, последние, как он сам обиженно признается, нередко его обгоняли.

Волновали Питера Флеминга и другие великие проблемы. Например, проблема переводчика. Флемингу не понравился переводчик: его, оказывается, «нельзя было назвать хорошим компаньоном». Итак, не пора ли организовать при «Интуристе» курсы по подготовке «хороших компаньонов»?

И еще многое другое не понравилось Питеру Флемингу. Даже сам маршрут Москва — Крым не понравился: бедный Флеминг в этой «однообразной дороге» испытывал «недоумение и раздражение». Тем более, что на глаза ему нередко попадались «плакаты, призывающие к борьбе за мир».

О людях Питер Флеминг тоже ничего хорошего сказать не может. «Убогая компания», «бесцветный молодой человек», «надоедливая толпа» — такими пронзительными определениями пестрят статьи британского литератора.

Будем, однако, справедливы: он не поступил так, как его соотечественник драматург Джон Осборн, который, приехав на Всемирный фестиваль и найдя Москву «безобразной и скучной», тотчас же в сердцах укатил обратно. Нет, Питер Флеминг набрался-таки терпения и мужественно выстрадал свой маршрут, развлекаясь лишь приплясывающей стрелкой спидометра да подсчетами стоимости истраченного бензина.

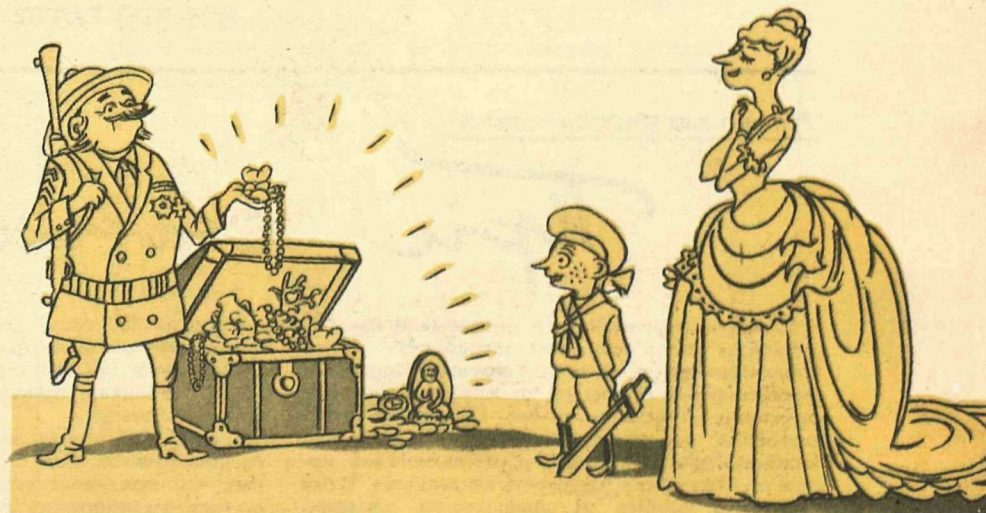
Было у него, правда, и еще одно занятие: перелистывать путеводитель по России издания 1914 года. Оттуда он черпал «объективную информацию, которую сейчас невозможно получить». Питер Флеминг не хотел выйти из своего «Зефира», чтобы получить объективную информацию. Он был выше этого. Он упивался «старым, добрым» путеводителем по «старой, доброй» России. Россия социалистическая ввергала его в мрачное уныние.

Вот и случилось, что брошко поданные статьи писателя Флеминга обернулись для читателей газеты «Таймс» брюзгливым и нудным повествованием о километрах, марках машин, бензоаправочных станциях и «надоедливых толпах».

«Если спросить: «Была ли необходимой моя поездка?», — то я затруднюсь сразу ответить на этот вопрос», — признается в заключение Питер Флеминг.

Это затруднение непонятно. Разумеется, поездка была излишней. Ветхий путеводитель по России 1914 года можно было с успехом перелистать, сидя в Лондоне.

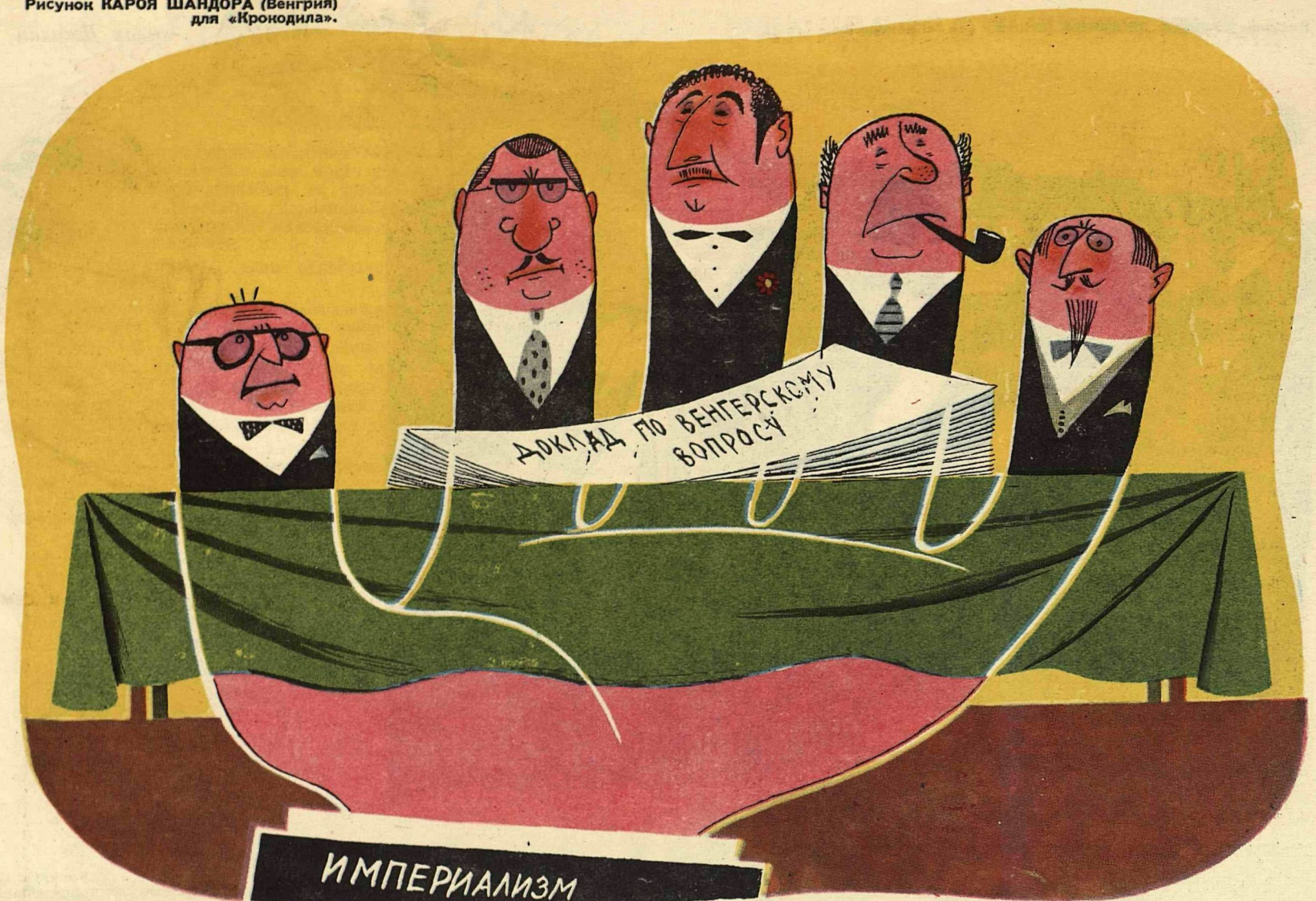
А. ВИХРЕВ

Так папа возвращался вчера из Африки...

...а так возвращается сегодня его сын.

ВОТ ЧТО ТАКОЕ «КОМИТЕТ ПЯТИ»

На коммерческие темы

При своих интересах

В жизни американского бизнесмена бывают моменты, когда возникает потребность скрыть свою полноту, а точнее, жировые отложения максимальных прибылей от производства вооружения и поставок армии. Потребность эта особенно усиливается в тот желанный для каждого процветающего джентльмена миг, когда он становится членом правительства. Сами посудите: удобно ли афишировать «преданность миру во всем мире» тому, кто не умеет скрыть своей заинтересованности в гонке вооружений?

Недавно президент «Проктер энд Гэмбл компани» Нейл Макелрой был назначен на пост министра обороны США. Эта компания не из хлипких. Она имеет свои фабрики и заводы в тринадцати странах Европы, Азии, Африки и Латинской Америки.

Как бы там ни было, но президента компании, пусть и процветающей, мало кто знает. Министра же обороны Соединенных Штатов знает весь мир. И так, к Нейлу Макелрою пришла слава. А слава, говорят, лучше богатства.

Однако Нейл Макелрой не согласен с этим исполненным народной мудрости афоризмом. Он считает, что слава должна автоматически приумножать богатство. Вот тут и потребовалось искусство маскировки.

— Хорошие граждане должны приносить личные жертвы во имя служения родине, — сказал Макелрой без тени смущения. И для начала отказался от жалования президента

компании (280 тысяч долларов в год) в обмен на жалование министра (25 тысяч долларов).

Ради чего же этот «замечательный делец», как его величает пресса, сделал такой сомнительный бизнес?

Сейчас у «Проктер энд Гэмбл компани» много конкурентов. Они будут горько рыдать, узнав, что президент указанной компании стал министром обороны. Уж он-то, как «замечательный делец», знает, с какой стороны хлеб намазан маслом! Он уж найдет, кому доверить поставки для армии!

Кстати, о масле. Компания, в которой еще недавно президентствовал Макелрой, производит пищевые жиры, мыло и зубную пасту. Очевидно, в армейский рацион теперь войдут эти самые пищевые жиры. После приема их, говорят, возникает естественное желание сплунуть, помыть руки мылом и почистить зу-

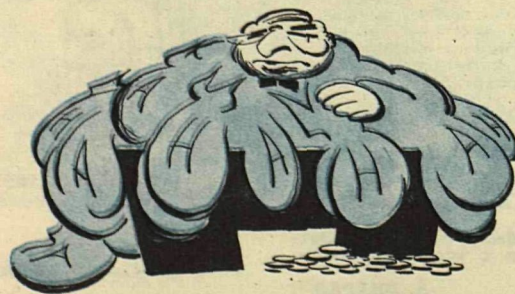
бы, чем, видимо, и объясняется столь необычный ассортимент продукции компании. Надо полагать, американские солдаты скоро смогут пользоваться ею в свое удовольствие.

Казалось бы, все в порядке. Однако консультанты по маскировке ожирения американских государственных деятелей подсказывают Нейлу Макелрою со страниц газеты «Нью-Йорк таймс»:

— Нет, мистер Макелрой, вы еще недостаточно скрыли ваш жирок. Взгляните, на вас гроздьями висят акции не только вашей компании, но и «Дженерал электрик», «Крейслер» и других корпораций, производящих вооружение. У вас этих акций на полмиллиона долларов. Это неприлично. Сумейте избавиться от них так, чтобы их не терять. Сделал же это ваш предшественник Чарльз Вильсон. Помните, как он упрятал свои акции «Дженерал моторс» на два с половиной миллиона долларов? Вы уж тоже постарайтесь. А то, знаете, публика, не дай бог, не поверит вашему заявлению насчет стремления к миру во всем мире...

Впрочем, это уже дело техники — найти подставных лиц для передачи им своих акций. С этим министр обороны США как-нибудь справится. К тому же скрытно жиреющие на гонке вооружений джентльмены занимают подавляющее большинство постов и должностей в правительстве США. Можно и с ними посоветоваться. Они опытные. Помогут. Подскажут.

В. КРУГЛОВ

ЗМИЕВСКИЕ ПОДРЯДЧИКИ

Плотный мужчина в безрукавке лезет по лестнице на крышу. Цель этого упражнения весьма почтенная: Ивану Афанасьевичу Собинову, члену самодеятельной «бригады» Ф. И. Зайцева, поручено отремонтировать здание районного Дома пионеров.

— Почему ты в колхозе-то не работаешь? — спрашивает Собинова односельчанин, приехавший сдавать сено. — За длинным рублем гонишься?

— Тоже мне заработки! — кричит рот Собинов. — Шесть тыщенок за ремонт пионерского дома получили, да еще пять печурок поставили — по четыреста рублей каждая!

...Рядом неторопко постукивают топоры: Александр Иванович Елпатов с двумя сыновьями и зятем ставят сруб. Эта довольно солидная строительная «фирма» уже восьмью хату строит — и все по «сходной цене».

Чуть поодаль заканчивает сарай для птицекомбината «бригада» Ивана Алексеевича Савина.

Наискосок, на ближней улице артель, руководимая «шабашником» Алексеем Дмитриевичем Баталкиным, по договору с райкомхозом выкладывает из шлакоблоков подвалы.

...Бодрый перестук топоров и

молотков, веселый звон пил несет-ся с новостроек райцентра — села Змиевки.

* * *

Заместитель председателя райисполкома И. Ф. Медведев и председатель Котовского сельсовета М. В. Андрияшин наперебой возмущаются «калымщиками».

— У нас в поселке человек тридцать летом по договорам работают, а потом весь год на печи лежат. И никакой на них управы! — сокрушенно говорит Андрияшин.

— Пожалуй, более ста будет, — уточняет Медведев. — Они и с камня лыко дерут. Недавно мы хотели отремонтировать здание райисполкома. С трудом разыскали двух «калымщиков». Но те такую цену заломили, что у нас волосы дыбом встали...

— А вот я был на Украине, — снова сказал Медведев, — так там давно уже создали хозрасчетные комбинаты коммунальных предприятий, объединили в них всех мастеров. Эх, вот бы и нам такое дело!

— Да, неплохо бы! — мечтательно вторит Андрияшин.

Кто бы это сделал за змиевских руководителей?

В. КОМОВ

Свердловский район, Орловской области.

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО...

Примите поздравления

Председатель Сосново-Солонецкого райпотребсоюза Куйбышевской области И. П. Ковалев, уволив своего заместителя Амирова, присвоил себе его премию и, отмечая удачу, организовал семейную вылазку на лоно природы. Ведомая нетвердой рукой Ковалева казенная автомашина закончила свой извилистый рейс в одном из приволжских оврагов.

Эти факты поведал своим читателям сосново-солонецкий «Крокодил». И незамедлительно получил «опровержение».

Вот вдохновенные строки, начертанные Ковалевым, во всей их неприкосновенной красоте:

*«В вашей статье очин мало правда... Овтомошина в овраге не была... Амиров небыл зомистителем... премя я получил за выполнения плано по яйцу... Неграмотн крикатуры, они неспособствуют успехам а донастоящего Крокодила нам с Вами далеко...
Ваш иминник Ковалев И. П.»*

Не скромничайте, Ковалев, совсем не далеко. Вот видите: вы уже на страницах Крокодила!

А если вы считаете себя именинником, — спорить не будем. Примите наши поздравления!

Уведомил...

Недавно в совхоз «Пристанский» (Омская область) пришло удивительное послание. Приводим его дословно.

«Директору совхоза Пристанской тов. Катугину

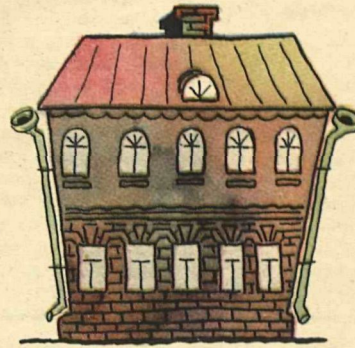
Исполком Райсовета требует немедленно выставить рабочих райпромкомбинату на дополнительную выработку кирпича, против вашей потребности в кирпиче, в случае не выставления ваше предприятие не получит с РПК кирпич этим вы ставите под угрозу невыполнения плана капитального строительства вашего предприятия, чего исполком райсовета допустить не может. О чем и уведомляю».

Далее следовала подпись уведомившего — заместителя председателя Иртышского райисполкома тов. А. Шлыкова.

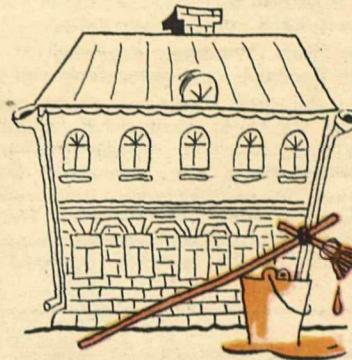
Можно ли «выставить рабочих» против чьей-либо потребности в кирпиче, сказать трудно. Зато уж выставить двойку тов. А. Шлыкову за такое составление служебных распоряжений можно смело. О чем и уведомляем.

РАСКРАСЬ САМ

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

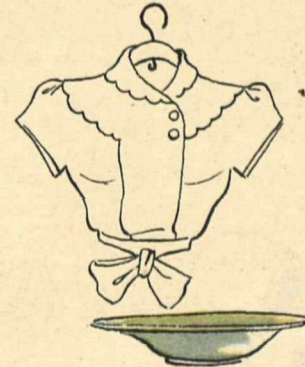
ПОКРАШЕННЫЙ ДОМ. После первого дождя...

...покрась его сам.

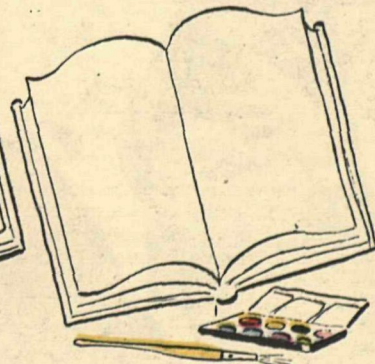
ДАМСКАЯ КОФТОЧКА. Сразу же после стирки...

...покрась ее сам.

ДЕТСКАЯ КНИЖКА. Чтобы дети не пугались, нарисуй и...

...раскрась сам.

НОННА ШТУЧКИНА. Ее раскрашивать не надо, она...

...раскрасила себя сама.

Ю.Ф.

Бедда от ДОСТАТКА

Знаете ли вы, какое самое распространенное слово в лексиконе Николая Петровича Каплина? Не знаете?

Это слово — «караул».
Караул! Спасите!

Со своим сигналом бедствия он иногда обращается в конкретный адрес:

— Петр Петрович, выручай!

— Василий Иванович, вызволи!

— Дмитрий Иванович, спаси, тону!

Где же тонет человек? В какой реке? Все это происходит в городе Калинин, и не в обычной реке, а в... молочной. Мы не оговорились, это действительно река из молока.

Дело в том, что Николай Петрович Каплин — директор молочного завода, в цехи которого свозят молоко колхозы окрестных

районов. И с каждым годом, повышая удои, привозят все больше и больше.

Конечно, и коллектив завода старается день ото дня все больше и больше готовить и сливочное, сметаны, творога, кефира и прочей молочной продукции. И чтобы все это было вкусное.

Почему же, в таком случае, в смятении Николай Петрович? Прорыв на заводе, что ли? Нет, все в порядке, цехи работают безукоризненно в три смены. С ассортиментом не ладится? Тоже нет. Продуктов много, и сортов немало. А что касается вкуса, от него в торговле самые дотошные домохозяйки.

— Что же с вами, Николай Петрович?

Но ему не до нас. Он не отходит от телефона, звонит во все места. Первейшая надежда, разумеется, на Петра Петровича

Овчинникова, заведующего горторготделом. Под его началом сотни магазинов. Он может распорядиться, чтобы в городе ежедневно продавали сто, а то и полтора-два тысячи литров молока. К сожалению, чаще он распоряжается иначе. Вот и на этот раз сказал, как ошпарил:

— Сегодня молока приму тонн тридцать, творога и сметаны — по тонне, сливок — сто кило. И ни грамма больше!

Ну как тут не завопишь «караул»?! Подумать только, все цехи и погребов переполнены. Каждый божий день завод готов отпустить больше ста тонн молока, двадцать тонн творога, пять — шесть тонн сливок. Все срочно просится на стол. Такая уж продукция, ждать не любит.

А ждать приходится. Ничего не поделаешь. У Петра Петровича своя арифметика: больше молока — больше хлопот. Может, калининцы не любят молока? Как бы не так! В магазинах оно нарасхват. Ведь продают же в иной день по полтора-два тонны!

— Смотря каков день, — намекнул глава калининского торгового мира. — Вот похолодает — наверстаем! А пока...

А пока, не будем скрывать, и ему и его коллегам не по вкусу продавать молочную продукцию: уж слишком капризна. Продавать ее надобно быстро, хранить в ледниках и холодильниках, а не где попало. Да мало ли хлопот с этим самым молоком, которое так и норовит прокиснуть!

И горторготдельцы отсылают представителей завода в горпищеторг, к Василию Ивановичу Козлову. Он ведает приемом молочных продуктов, ему и карты в руки.

— Василий Иванович, дорогой! Спаси, на тебя вся надежда! — умоляет Николай Петрович. — Все свеженькое, первый сорт! Пальчики оближешь! Доставим куда угодно, сколько угодно и когда угодно.

Василий Иванович отказать не отказывает, но берет немного, через час по чайной ложке. Хочешь не хочешь, а приходится всей заводской конторе с утра до ночи потеть у телефона. Кому только не предлагают свою продукцию калининские молокоделы: в Торжок и Вышний Волочек, в Клин и в десятки других городов и сел. Тщетно! Отовсюду отказ: своего молока избыток!

Один выход: призвать на подмогу Дмитрия Ивановича Румянцева, директора крупнейшего в городе холодильника. Авось, смилуется, примет на хранение продукцию.

...Нет, не смиловался. Рад бы, да тесно, а расширить холодильное хозяйство не удается.

Одно утешение у Николая Петровича: не только в Калинин так. На всей Верхней Волге «большое молоко» застало врасплох деятелей торговой нивы. Поневоле закричишь «караул». Однако непонятно, почему столь тревожный крик не слышат в облисполкоме.

П. ДУДОЧКИН

г. Калинин.

Крокодил помог

В заметке «Товарищ Крокодил!» (№ 19 за 1957 г.) говорилось о том, что руководители колхозов Молодотудского района, Калининской области, недооценивают птицеводство, в результате чего резко уменьшается поголовье птиц.

Исполком Калининского областного Совета депутатов трудящихся сообщил, что положение с птицеводством в районе улучшилось: в девяти колхозах восстановлены птицефермы.

«Здравствуй, далекий друг!» — под таким заголовком было помещено в № 22 «Крокодила» письмо полярников с дрейфующей станции Северный полюс-6. Полярники писали, что им из Москвы были посланы фрукты и другие продукты, а также почта. Но вместо ожидаемого груза с передаточной станции полярникам на льдину доставили... лесоматериалы.

Из Главсевморпути нам сообщили, что на виновников задержки груза наложены административные взыскания. На дрейфующую станцию СП-6 доставлены фрукты, овощи, газеты, журналы и кинофильмы.

Рисунок Е. ШУКАЕВА по теме И. ЗЕЛЕНОВА (Москва).

— Знакомься, Петя, это твоя мама!

НАШЛА КОЗА НА КАМЕНЬ.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Может, тебе удастся договориться с начальником райкомхоза Самарского райисполкома г. Куйбышева тов. Молчановым.

Пытались сделать это и мы. Но безуспешно. А просили-то у него совсем немногого: навести порядок в саду школы № 64, который неизвестно почему используется под строительные свалки и выставки собак.

И вот тов. Молчанов прислал нам следующий ответ:

«На Ваше письмо Самарский райисполком отвечает, что выставка собак организована ДОСААФ по разрешению горono в садике школы № 64 прекращена кроме того на территории сада строится 1-м мельзаводом дом по разрешению горонддела архитектуры согласно генеральному плану реконструкции города, что способствуют до некоторой части засорению (временному) парка».

Прочитали мы ответ тов. Молчанова и поняли, что, пожалуй, не найти нам с ним общего языка. Ведь если объясняться на том языке, которым пользуется тов. Молчанов, то и язык сломать можно.

Инженер Л. КОМАРОВ
пенсионерка А. СКОРОБОГАТОВА
г. Куйбышев.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Если ты хочешь срочно овладеть искусством пришивания пуговиц и обметывания петель, горячо рекомендую тебе приобрести рубашку-ковбойку производства Анжеро-Судженской швейной фабрики № 9. Только смотри, чтобы на ярлыке, заверенном подписями бригадира и бракера, значилось, что приобретаемая тобой ковбойка первого сорта.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Позволь мне поделиться с тобой своим несчастьем: за последнее время я стал галлюцинировать среди бела дня.

Вот как это началось.

Я написал в «Амурскую правду» заметку о том, что на станции Березовский два года валяется без призора новенький локомотив на 125 лошадиных сил. Редакция переслала мой сигнал хозяину локомотива — заведующему Амурским облкомхозом тов. Голушко.

И что же? Месяца два спустя получаю я от тов. Голушко ответ: мол, сигнал правильный, меры к вывозке локомотива приняты, а виновные наказаны.

Прошло еще два месяца. Заглянул я однажды на станцию Березовский и... обомлел: валяется злополучный локомотив на станции, как и прежде валялся. Принялся я протирать глаза, да так с тех пор все и протираю, а локомотив все не исчезает.

Сам посуди, могу ли я хоть на секунду допустить мысль, что такой высокоавторитетный товарищ, как Голушко, мог бесстыдно меня обмануть? Конечно, нет! Я убежден, что все дело в моих глазах. Стоит их полечить как следует — и локомотив исчезнет наконец со станции Березовский.

Очень прошу тебя, вышли мне какое-нибудь хорошее лекарство для глаз. Уж больно жаль ценную машину!

Л. ДАВЫДЕНКО,
директор Березовского пункта хлебопродуктов.
Амурская область.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ. Редакционная коллегия: И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, И. М. СЕМЕНОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д-3-31-37. Прием ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

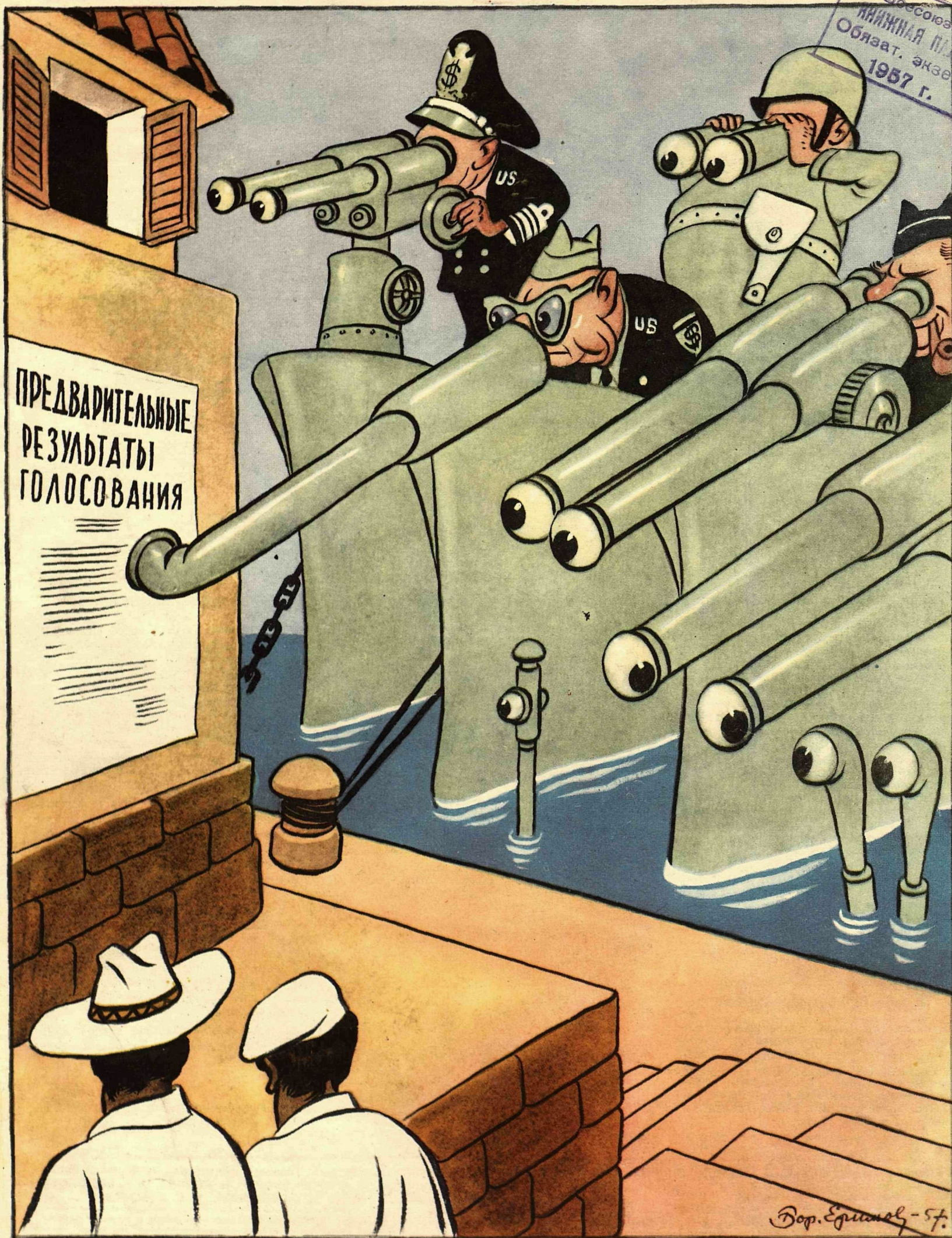
А 07516. Изд. № 1149. Подписано к печати 19/IX 1957 г. Формат бум. 70×108½. Заказ № 2439. Тираж 1 100 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

20124

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

Всероссийная
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
Област. экзempl.
1957 г.

— Вот к нам на выборы и американцы прислали своих наблюдателей...